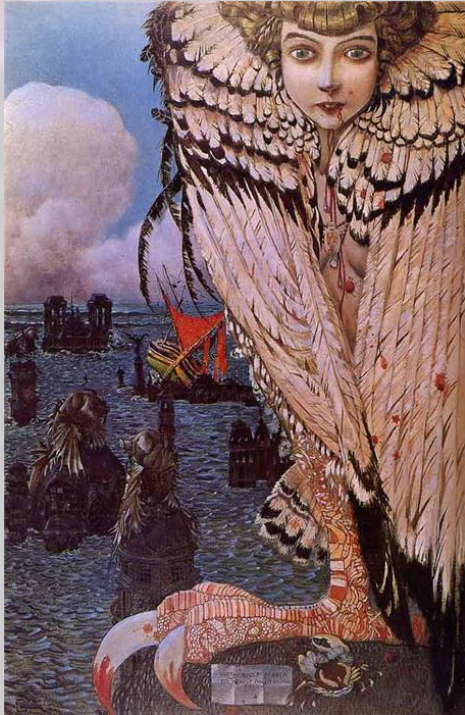

АЭЛЛО

*Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру
Взял себе в жены Фавмант. Родила она мужу Ириду
Быструю и Аэлло с Окипетую, Гарпий кудрявых.
Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных
Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.*

Гесиод «Теогония»

«Мне сегодня сорок пять, баба – ягодка опять!» - довольно хмыкнула Алла Давыдовна Мемлис, по мужу Стрельникова, с удовольствием глядя на себя в овальное венецианское зеркало старинной работы.

Ее красивое холеное лицо в последние годы почти еженедельно украшало страницы журналов, газет и экранов телевизоров. Всем были интересны подробности хитросплетений жизненных ситуаций, в которых оказывались ее знаменитые клиенты. В столице уже привыкли, что адвокатом в бракоразводных делах и имущественных споров звезд шоу-бизнеса разной величины, известных продюсеров, депутатов Госдумы и

членов Центрального совета правящей партии – неизменно выступает Алла Давыдовна Стрельникова, украшая любой громкий процесс столичного бомонда своей безупречной внешностью и самыми стильными драгоценностями.

В прихожей еще стояла пушистая елочка, украшенная золотыми шариками с бантами из темно-синей тафты. В руке Аллы Давыдовны был зажат бокал с зеленым мартини, на серебряном подносе стояли креманки с оливками и самыми изысканными сортами итальянских и французских сыров, которые дама накалывала крошечной вилочкой с двумя золотыми зубцами.

На ее руках в перстнях и браслетах сверкали аметисты, аквамарины, сапфиры, изумруды... Мягкий шелковый халат укутывал ее изящную фигуру, а в воздухе благоухал бельгийский освежитель воздуха «Весенний сад», рождая вереницу праздных счастливых мыслей о том, что праздники закончились, а будни еще не начались... И целых два дня никто из ее клиентов не позвонит по телефону или в домофон, никто не потревожит ее из суда или из адвокатской конторы. Целых два дня она ни разу не столкнется со своим мужем, лежащим поперек ее покрывала из зебры – в грязном пуховике и с неизменным мобильником возле уха. Но главное, никто не задаст ей бестактный вопрос: «Вы так замечательно выглядите, как вам это удается? А сколько вам лет, если не секрет?»

Сорок пять лет – были ее самым любимым возрастом. Более шести тысяч лет, побывав и вечно юной, и древней старухой, она с удовольствием остановилась на этом возрасте, вынужденная с огромной неохотой, чисто для формальности – в очередной раз проходить путь от младенчества до сорока пяти. В принципе, любой мог при желании понять, что имеет дело... с существом, знавшим о жизни немножко больше других, просто сопоставив несколько удивительные факты биографии Аллы Давыдовны. Какой еще другой красивой девушке 17-ти лет, когда все ее сверстницы с такой же яркой внешностью рвались в театральные вузы, пришло бы в голову куда не поступать после школы, а устроиться на работу секретарем-машинисткой в районный суд Москвы? В середине 80-х годов уходящего XX столетия, о котором Алла Давыдовна вспоминала с нескрываемой нежностью, ее целью было дорасти до должности помощника судьи районного народного суда Москвы, закончить юридический факультет и в тот момент, когда суды уже перестали быть народными, а стали просто районными, - создать собственную адвокатскую контору.

Несколько не соответствующая ее возрасту рассудительность, удивительная прозорливость и предприимчивость, заставляли и ее отца, Давыда Марковича Мемлиса, во всем слушаться советов единственной дочери. Благодаря ее советам, больше похожим на приказ, он, будучи всего лишь владельцем ларька, торговавшего жевательной резинкой, одеколоном «Шипр» и иностранными сигаретами «Магна», - в краткий период дорос до статуса негласного владельца нескольких московских рынков. Следуя указаниям дочери, Давыд Маркович сблизился с главарем влиятельной группировки Мишей Стрельниковым. Правда, ему не слишком понравилось желание Аллочка выйти замуж за Михаила. Все же пользоваться услугами бандита – одно, а породниться с ним – совсем другое, как говорили в Одессе. Но Аллочка сказала: «Ша, папа!», и Давыд Маркович решил, что услуги зятя обойдутся ему намного дешевле.

Потом он неоднократно искренне поражался, до какой степени его Аллочка выросла умным и прозорливым ребенком. Бывало, возьмет на дом все печати, подружку-нотариуса пригласит и говорит Давыду Марковичу: «Папочка, сейчас Циммерманша придет, бензоколонки свои на тебя перевести захочет. Ты ж смотри, учитывай, что у них нет автоматизированного контроля, а сами здания нуждаются в ремонте и расширении!»

Давыд Маркович не успеет удивиться, с какого это бодуна Циммерманше взбредет в голову на него переводить свои бензоколонки, да и где он такого бабла насобирает за выходные, как глянь, а Циммерманша уже из лифта выходит и прямо в ноги к нему бросается со слезной просьбой освободить ее от всех бензоколонок за недорого. А из особых условий имеет одну деликатную просьбу, чтоб ее Цуцика ихний Мишка больше не бил и выпустил на волю из тайного подвала по Дмитровскому шоссе.

Одно время Давыд Маркович впал в уныние, потому что после «таганских» и «люберецких» на его бизнес накатили вооруженные до зубов чеченские гангстеры. Он решил, что его бизнесу пришел окончательный пипелац, как говорили в Одессе. Но по-настоящему в их районе тогда уже была не Одесса, а настоящий Чикаго времен сухого закона, потому что с чеченцами началась война за водочные заводы, которые Давыду Марковичу достались за обещание, что Мишка кого-то в Польше не прикончит.

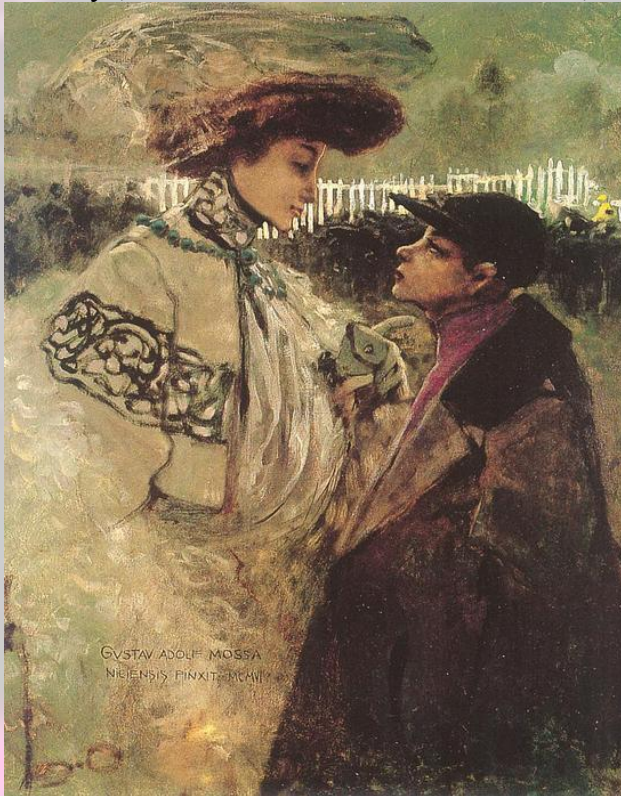
Но Аллочка лишь усмехнулась и заметила, что здесь чужакам не какое-нибудь Ведено и даже не Грозный. А как раз она никого в Чеченской республике ковровым бомбардировкам не подвергала, а как юрист - всегда была против подобных бесчеловечных мер наведения «конституционного порядка». Можно подумать, что Конституция настолько принципиальна, чтоб доводить людей до такого нервного срыва. И ей было совершенно непонятно, почему все «наведение конституционного порядка» - должно непременно аукнуться на любимых папиных водочных заводах?

Когда Аллочке было что-то непонятно, за разъяснениями выдвигался Михаил со своими пацанами. Всю ночь у винных заводов Давыда Марковича шел тяжелый бой. Аллочка возглавила штаб, требуя подкрепления с ближайших бензоколонок, мясокомбинатов и консервных заводов. Проявили отзывчивость даже китайские триады и вьетнамские джонки, выпускавшие самые настоящие французские духи и платья от «Дольче и Габана» в подпольных цехах Давыда Марковича.

Чеченцы отступили, но победу было праздновать рано. Через неделю после ночного боя у деревни Каюково в ближнем Подмосковье какие-то мерзавцы открыли огонь по иномарке, в которой находился Михаил Стрельников и двое его охранников. Мишка и его телохранители открыли ответный огонь на поражение, сумев так поразить движущиеся цели, удиравшие в ближайший перелесок. Сами они получили тяжелые ранения, но выжили. Опознав нападавших, Аллочке даже позвонили из ФСБ и, выразив глубокое сочувствие к ее душевным переживаниям, сообщили, что если бы Миша был их штатным сотрудником, то за ликвидацию полевого командира Гарипова он был бы представлен к правительственной награде.

Во время этого разговора Аллочка молчала, только на ее прекрасном лице играли желваки на точеных скулах. Положив трубку на аппарат, она повернулась к перепуганному отцу и сказала: «Нет, папа, я эти спецслужбы совершенно отказываюсь понимать! Ведь одни

проблемы от них, одни проблемы! А мы их решай, да? Таки мы их решим, что за вопрос? Но звонить и сообщать, что Мишке за два трупа награда положена, а не тюремный срок, а они ее не дадут, а для своих оставят... Согласись, это уже слишком!»

Алла всегда переживала за мужа, выбравшего такое сложное поприще в жизни. Она никогда не довольствовалась ролью обычной спутницы жизни авторитета, став настоящей боевой подружкой и адвокатом, без проблем разруливая самые сложные процессы, став почти постоянным персонажем криминальных хроник. Не удивительно, что она была единогласно выбрана вице-президентом Гильдии адвокатов столицы.

Правда, про эту гильдию даже узбеки на трех вокзалах рассказывали, будто любой джентльмен удачи мог при помощи этой организации получить удостоверение адвоката за скромное вознаграждение в \$5000 и готовность оказать «услуги прямого действия» ее вице-президенту. И, говорят, таких «адвокатов» в «лихие 90-е» эта Гильдия произвела чуть ли не несколько десятков тысяч не только в столице, но и по всей России.

Решительная и бесстрашная, Алла Давыдовна сумела соединить и свою адвокатскую

практику с деятельностью мужа. К ней обращались, когда муж не желал отдавать принадлежащее ему имущество при разводе, а следовать традиционным судебным практикам не имело никакого смысла. Лучше было сразу заплатить Алле Давыдовне, в общих чертах обрисовав проблему. Потом можно было в огромных черных очках заехать в суд, пройти черед стаю кровожадных журналистов, жаждавших свежатинки, - и решить все проблемы с бывшим супругом без душевного надрыва, в духе товарищества и взаимопонимания. Таким же образом можно было разделить фирму, получить заказ, доказать отцовство ребенка... сделать массу полезного в жизни, сэкономив уйму времени и сил.

Однако тем, кто желал Алле Давыдовне что-то плохое, сразу переставало везти во всех начинаниях. Так, под закат «лихих 90-х», на одной тихой московской улочке было совершено покушение на известного «авторитета» по кличке Жмых. Неизвестный киллер выпустил ему три пули в спину. Сотрудники МУРа установили, что незадолго до этого важного события у потерпевшего был конфликт с Аллой Давыдовной по поводу марочной водки «Бомонд». Ее телефоны поставили на прослушивание. Однако выявить прямую связь между возможной заказчицей преступления и исполнителями органам правопорядка так и не удалось.

А через год произошло заказное убийство члена одной из преступных группировок, у которого тоже оказались непростые отношения с госпожой Стрельниковой по поводу рецептуры водки «Престижная». Но опять доказать ничего не удалось, а сама Алла Давыдовна подтвердила, что так всегда и бывает с теми, кто не умеет себя прилично вести с дамой.

В течение семи лет после этого было убито несколько владельцев ликероводочных заводов. В том числе, погиб президент ОАО «Привет», одной из крупнейших компаний столицы по производству ликероводочной продукции, в частности, выпускавшей водочный бренд «Привет, златоглавая!». Когда бизнесмен подходил к своему офису, сработало взрывное устройство, заложенное в припаркованный на улице мопед.

И как-то так удачно получилось, что Давыд Маркович со временем стал владельцем всех ликероводочных заводов в округе, а также всех наиболее приемлемых для организма водочных брендов и рецептов.

Дочка его фигурировала в делах об убийствах, поджогах, захватах офисов, рейдерстве, хулиганстве, вымогательстве... но всегда исключительно в качестве случайного свидетеля. Один раз в качестве свидетелей супругов Стрельниковых задержали «по горячим следам» в двух шагах от места какого-то проходного и не самого чудовищного преступления. Заглянув в записную книжку Аллы Давыдовны, следователи ахнули, поскольку там были перечислены все известные в столице и области уголовные авторитеты. Но и тогда супруги оказались абсолютно ни при чем, а ежедневник у следователей изъяли, пояснив, что там информация адвоката, которой органы правопорядка пользоваться никакого права не имеют.

Свидетельницей Алла Давыдовна становилась сразу же, стоило ей сделать один звонок советнику Генеральной прокуратуры Агате Викторовне Келайно, никогда не скрывавшей своего влияния в ведомстве. Было время, когда посетители при входе в кабинет Агаты Викторовны, работавшей тогда в должности областного прокурора, разувались из крайнего почтения к ее персоне. Но и теперь все прокуроры страны почтительно называли ее «наша мамаша».

Иногда Михаил спрашивал, откуда у Аллы Давыдовны такие знакомства, а та лишь неопределенно пожимала плечами: «Мы с Келайно тысячу лет друг друга знаем!»

Супруги Стрельниковы не всегда взрывали мопеды, захватывали ликероводочные заводы и сидели в КПЗ. Очень часто другая близкая знакомая Аллы Давыдовны, работавшая пресс-секретарем главного театра страны, приглашала их провести вечер в директорской ложе театра. И Михаил каждый раз получал огромное наслаждение, сознавая, что места, которые у спекулянтов лохи брали по пятьдесят тысяч рублей, им с женой достались бесплатно.

- А прямо здесь цари сидели? – спрашивал он у Аллы Давыдовны, поправляя душившую крахмальную манишку под фраком от Версаче.

- Нет, Миша, - с притворным вздохом отвечала его супруга, поправляя норковое фигаро и заговорщицки подмигивая Никифоровой, - Все гады вынесли, ничего исторического не оставили, об этом во-он тот балерун все время в телике орет!

Две подружки искренне веселились, когда супруг Аллы Давыдовны начал уморительно рассуждать, как этот балерун может говорить что-то в телике, если сам Миша сейчас не в телике? Потом его начинали тревожить мысли, что ведь все кресла, на которых цари сидели, тихонько на чью-то дачу вывезли... Мысль о том, что чья-то дача ломится сейчас от «скраденных» в театре позолоты, хрусталя и бархата, не давала ему спокойно сидеть в кресле. Весь спектакль он дергал Аллу Давыдовну за подол роскошного вечернего платья, интересуясь, не слышала ли они от кого о такой даче.

- Какой он у тебя забавный! – неизменно восхищалась Никифорова, которую Алла

Давыдовна иногда по забывчивости называла Окипетой. Если Михаил переспрашивал, не понимая, что она сказала, она поясняла, что это такое смешное прозвище, которой Никифоровой дали очень-очень давно.

- Тебя еще, Мишка, и на свете не было! – весело поддакивала Никифорова, и обе подруги заливались мелодичным хохотом.

Некоторые постановки театра так трогали Аллу Давыдовну, что она брала руку пресс-секретаря Никифоровой и прижимала к своему сердцу, до крайности смущая подругу этим жестом благодарности. Но она не могла отдать должное, что постановки из классического репертуара обновлялись таким образом, чтобы и Мише были интересны их культурные мероприятия.

Увидев на огромной сцене театра импровизированный публичный дом в опере «Руслан и Людмила», он замер и погрузился в действие, оживляясь при каждом появлении артисток практически голыми. Современная постановка оперы «Евгений Онегин», где прием был очень похож на знакомые ему посиделки с шашлыками, выпивкой и дурью – даже вдохновила его на воспоминание, как два его бойца поссорились из-за одной бабы, а потом один другого в бетон закатал.

И пока Михаил замороженно пялился на сцену, где артистки под классические арии исполняли стриптиз, Никифорова, весело фыркая, подавала Алле Давыдовне распечатки откликов зрителей на особо понравившиеся Мише спектакли.

- А чего ваша Полигимния в «Руслане и Людмиле» не выходит? – спрашивала она пресс-секретаря с презрительными нотками в голосе. – Надо было ее в качестве Наины на сцену выгнать, раздеть догола и перьях вывалить! Мише бы очень понравилось!

- Да она вначале согласилась участвовать, - с ненавистью отвечала Никифорова. – Мы планировали до конца творческого замысла ей не раскрывать, чтобы визжала по-настоящему. А эта старая гримза что-то почуяла. Вышла на сцену и заявила: «У меня нет сил в этом участвовать. Я посмотрела, что вокруг меня делается, и мне стало с сердцем плохо. Вот, правда, стало плохо с сердцем, прямо на сцене!» И упоролась в свои оперные конкурсы! Ну, не гадина ли?

- Жаль, - с нескрываемым разочарованием говорила Алла Давыдовна, рассматривая новые распечатки откликов зрителей, которые Никифорова готовила к каждому их посещению театра.

Мария Театр отличный! Но если кто-то собирается на этот ужас "золотой петушок" в современной постановке, то не тратьте деньги, это не классика Пушкина, а извращение на тему наших обычных бандитских разборок. После ржания какого-то мужика из директорской ложи - ушли с этого кошмара после первого действия!!!!

Екатерина После посещения "Золотого петушка" в новой постановке, мне стало стыдно и страшно за будущее театра!!! Испортили такую красивую сказку. Одним словом, эти люди - разлагают наше общество и страну!!! По телевизору, в прессе, - теперь и до театра добрались!!! Я возмущена до предела! Кто собирается пойти, советую не ходить, зря потратите время, деньги, и настроение испортите. Посмотрев весь этот бред, соглашусь с отзывом Марии – это извращение!

Ольга "Золотой петушок" в театре - это ужас. Не ходите!

Оксана Согласна на все 100%. Одним словом ужас. Не ожидала.

Анастасия Мы с мужем, как и многие жители нашей страны, мечтали попасть в театр и проникнуться атмосферой истории и высшей степени искусства, которое, мы считали, можно увидеть на исторической сцене! Ну, начнем с того, что не очень понятно, зачем вообще продавать места, на которых не то, что края сцены не видно,

но даже занавес виден не целиком (но это всего лишь лирическое отступление). Мы пошли на оперу «Руслан и Людмила» в постановке Грязникова. Первые 15 минут мы стояли «открыв рот» от прекрасного звука и ошеломительных декораций и дальше начался маразм, который, извините, крепчал с каждой минутой. Все третье действие я сидела с открытым ртом и говоря одну и ту же фразу: «Какой кошмар!» Друзья, у меня есть к Вам только один совет, внимательно изучайте репертуар, потому что Театр, как и многие другие, выпускает постановки, которые невозможно смотреть. Очень удивительно, что Театр не фильтрует абсолютно постановки, которые будут поставлены на его сцене. Не ходите на оперу «Руслан и Людмила» в постановке Грязникова, не тратьте деньги и время! Это ужасно! Мне стало жалко режиссера, видимо у него было болезненное детство, не удивлюсь, если он к тому же еще и наркоман, потому что здоровый человек не мог такое придумать, да еще и показать!

Татьяна Освещение сцены - безобразней некуда...

Нина Смотрели оперу "Руслан и Людмила" в постановке Грязникова. Во втором акте началось такое, что было понятно, искусство театра опустилось до публичного дома. Если Грязников хотел показать нашу действительность, как есть, зачем трогать святую классику?

Маргарита Посетили новую сцену... "Иоланта" - опера, все замечательно (ходили с ребенком 5 лет), НО!!!! во время антракта пришлось (извините) посетить уборную комнату, Это полный караул!!! Там же расположена курилка, вентиляция отсутствует!!! Как и совесть, очевидно. Накурено так, что приходится ребенка оставлять в холле без присмотра, пока движется очередь, получили просто отравление. Возмущению нет предела, т.к. половина зрителей были пенсионеры и дети. В рок-клубах и барах воняет меньше. Видела девушку в маске, очевидно театралка, в гардеробе вместо биноклей респираторы выдавать нужно!!! После спектакля потребовала книгу отзывов, не дали. Ходить будем, конечно, а вот ребенку памперсом запастись нужно. Благо кафешки рядом, уже присмотрели куда "сбежать" можно. Свинство! И очень многие жаловались, Безрезультатно!!!!

Любовь Новая постановка оперы "Руслан и Людмила" в Театре потрясла до глубины души!!!! Где молодое поколение может сегодня увидеть и услышать настоящее произведение искусства, если даже на сцене прославленного театра позволительно устраивать бордель?!!! То, что сделано - это все, что угодно, но только не опера "Руслан и Людмила"! Полный диссонанс между великолепной музыкой, замечательным пением и происходящим на сцене! Фактически уничтожен весь замысел настоящих авторов оперы!!! Создавайте свои собственные произведения и не калечьте классику!!! Наши дети должны иметь возможность получать базовое воспитание классикой! И где, как не в главном театре страны?

Инна Что случилось с сайтом театра??? Раньше всегда был прекрасный сайт - стильный классический дизайн, удобная навигация, большой объем полезной информации. Теперь же, во-первых, отвратительный дизайн. Очень мелкий (зачастую нечитабельный) примитивный черно-белый шрифт на всех страницах, глупые ненужные плашки-банеры, которые грузятся вечность, и в итоге загружается одна из десяти. Сайт виснет, исчезло много полезной информации, которая была раньше, ничего не найти. В организации информации нет никакой логики. Такой позорный сайт не сделает даже фрилансерская контора, сидящая в подвале жилого дома города Урюпинска. Если же проблема была в том, что вашему величеству не додали бабла (понятно, что на

госзаказах 70% бабла исчезает), то могли бы сделать что-то приличное хотя бы из чувства патриотизма. Или оставить нам старый хороший сайт и не браться за работу.

Анастасия Билеты в Театр на "Щелкунчика" 69000 рублей????? Откуда такие цены????? Прилетел ребенок из Германии, хотели сводить его в театр на балет "Щелкунчик", но от цен на билеты мы просто в шоке!!!! Сходить вдвоем на балет стоит 210 тысяч рублей!!!! Куда смотрит руководство Театра???? Мы стараемся предать это огласке в западной прессе !!!!!

Ольга Оперу "Золотой петушок" слушала ещё в конце 80-х. декорации, костюмы-восхитительные. Нынешние "номенклатурные" декорации - они, конечно, прикольные. Но не для этого уровня! Постановщики этого "шоу" не пойдут в крутой ресторан, чтобы поесть гамбургеры или пиццу. Такие вещи на выпускных экзаменах может пройдут и то вряд ли. На сайте театра билеты продаются по 2 штуки в одни руки с регистрацией по паспортам и другими заморочками, чтобы не было перекупищиков. А на других сайтах заказывай какие хочешь билеты - на какое угодно число и как угодно заранее. Как эти билеты туда попадают? Это что, администрация театра на себя роль перекупищиков взяла? Непонятно. Если театр хочет держать монополию на билеты, так и держите, а не распахивайте по другим сайтам.

Оксана Были на Щелкунчике. Реконструкция потрясает. Лифты изящны, коридоры изысканы. Освещение сцены отвратительное. Я раньше никогда не замечала, что оно есть. Но когда свет "догоняет" артистов. Сначала один, потом второй... Смешно. С акустикой вообще беда какая-то. Топот балетных слышно лучше скрипок. Это как?! Индийские куклы, Дроссельмейер, Мари - прелесть как хороши! Испанская кукла, наверное, еще не отошла от празднования Нового года. Мальчики массовки, кажется, были уверены, что на них никто не смотрит... Звезда балета Николай показался мне погруженным в самолюбование. Из положительного - отменное отношение персонала. Декорации и их смена очень хороши! Наши женщины в театре все выглядят как Женщины (чего не скажешь о некоторых мужчинах в джинсах). Если Вам надо обновить фото в соцсетях – идите в театр! А музыку послушать - сходите лучше в Консерваторию!

Настя "Новая сцена" очень накурено около туалетов, хамы охранники "Ну показывайте чё у вас в карманах"! Ни в одном театре такого хамства не видели. Цены в буфете: чай из пакетика 80 рублей, бутерброд с ржасовой колбасой 180 рублей.

Светлана Ходили на оперу "Турандот". Исполнение понравилось, а вот костюмы и декорации - нет. Серая толпа в ватниках-это кошмар!!! Это же сказка, она должна быть красивой...Сэкономили, называется. Обновленный театр несколько удивил. Убогие стулья в партере и ложах. Можно было поставить кресла(приходится зрителю сидеть по 2 -3 часа. А гардероб для лож и ярусов - просто ужас! Тесный и узкий. Испортилось настроение после прекрасной оперы. Есть ведь пространство, которое пустует! Разместите там дополнительно еще гардеробные (раньше они там были!)

Евгений Вы любите театр? Как любит его администрация в театре? Если честно, мне билет достался в театр на Бориса Годунова случайно... Первый акт я простоял и не потому, что был восхищен игрой актеров, а просто из желания увидеть хоть часть сцены... В антракте с удивлением обнаружил многочисленные кафе залы, но и очереди, как в старые добрые времена. В прочем чашечку кофе взял без труда. И знаете, пью я этот к слову дешевый натуральный кофе и не могу отделаться от мысли, за что? Я бы

понял, если этот билет был купленный с рук у «барыги», но нет! И я был не одинок... все люди с боковых балконов, кроме первых рядов стояли. И при этом было видно лишь жалкую часть сцены.... Вы любите театр и я вам говорю, не тратьте деньги на билеты с местами на балконах, если это не первые ряд. Ничего кроме разочарования и наглых, пошлых глазок администратора на выходе после первого акта...

Марина Вчера с подругой были на "Огненном ангеле", всё прекрасно! Но стояли всё представление! Места были на балконе в третьем ряду. Сцену заведомо просто не видно. Не понятно, зачем туда заведомо были поставлены кресла? Чтобы иногда присесть и отдохнуть? Безобразие!

Надежда Считаю просто неуважением к зрителю продавать места во второй-третий ряд боковых балконов! Увидеть хотя бы часть сцены с них можно только стоя! Сидя видно только декорации на высоте десяти метров от сцены...

Наталья Театр начинается с вешалки... Вот милых женщин, которые встретили, подсказали я запомнила. Очень было приятно, но на этом все закончилось это все, что я видела... И все тот же балкон и не стоит говорить, что стоя видно хоть часть сцены... Как говорила великая Фаина Георгиевна Раневская: «Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.» Хоть в театре и золоченные унитазаы и даже биде...

Но, несмотря на все эти распечатки с забавными откликами публики, Никифорова с каждым их новым посещением театра становилась мрачнее. Алла Давыдовна с душевным огорчением замечала, что у пресс-секретаря театра все чаще начинают подрагивать руки, будто она страстно хочет выпустить когти, но сдерживается из последних сил. Часто у нее были покрасневшими веки, а однажды вместо изящных театральных лодочек Алла Давыдовна увидела на подруге под подолом длинного вечернего платья – пару безобразных ортопедических ботинок.

Поймав ее взгляд, та призналась, что накануне премьер балета Николай выкинул ее в коридор из своей гримборной, когда она попыталась присутствовать при его разговоре с журналисткой. И что-то он ей передавал при этом так, что теперь ей сложно «перераспределять вес» в модельной обуви.

Это сообщение не на шутку встревожила Аллу Давыдовну. И пока Миша с восторгом внимал новым веяниям в классическом искусстве, подруги тихонько обсуждали происходившие в театральном закулисье события, постоянно повторяя непонятные Михаилу слова: «Полигимния, Мельпомена, Талия, Эрато...»

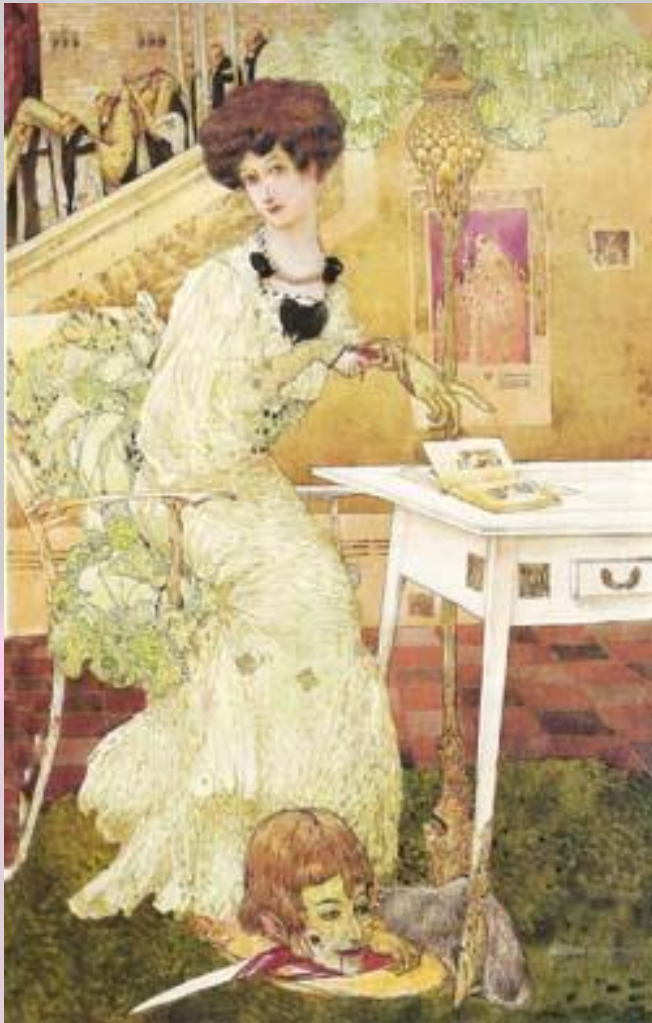
* * *

Придаться полному покою и бездельничать под картины тихим январским вечером Алле Давыдовне так и не удалось. Хотя она решила не отвечать ни на чьи звонки, но стоило раздаться особому сигналу, она тут же схватила трубку.

- Это я! – услышала она неподражаемый голос Агаты Викторовны с глубоким грудным тембром. – Сейчас будет передача смешная на «Ненастье»... кто-то там «живьем». Девушка задаст пару вопросов о конфликте гостя с твоим будущим клиентом Мылиным. Посмотри,

будет полезно в дальнейшем. И учти, в театре что-то срывается с намеченной постановкой в новой стилистике! Срочно помогите с ребятами Окипете...

Алла Давыдовна немедленно включила огромную «плазу», висевшую над камином. На белом фоне сидели стильный молодой мужчина и девица с наведенными бровями и непрокрашенными корнями неряшливой прически.

Алла Давыдовна поняла, что девушку на интервью морковкой выдернули из такого же блаженного безделья, зная, что все визажисты и парикмахеры будут отдыхать еще два дня.

Она подумала, какие же гонорары посулили девушке за выход, понимая, что на экране она явно не сможет внешне соответствовать заставке передачи, прославлявшей ее гламурный облик и беззаботный образ жизни. С копной кое-как подобранных волос девушка при всем желании не могла дотянуть до статуса «натуральная блондинка», не говоря о прежнем статусе «светской львицы». Ее затрапезная кофточка исключала высокие каблуки в ансамбле, хотя она должна была понимать, что вышла на интервью со знаменитостью мирового балета.

Она видела, как девушка поджимает пальцы с ногтями разной длины, не успев сделать качественный маникюр после разгула новогодних праздников. Возможно, этот почти домашний вид «я упала с сеновала, тормозила головой», скованная речь ведущей

– намеренно диссонировали с ее агрессивными вопросами не о профессиональной деятельности мировой знаменитости, а о его «патологической склонности к скандалам и интригам». Тот, кто выпустил ее на экран в пейзажном стиле потрепанной жизнью селянки, рассчитывал, что ее вопросы будут еще более неожиданными и нанесут дополнительный удар – вступив в противоречие с ее внешним видом.

Но пропасть между «домашним» обликом ведущей и неприкрытой враждебностью ее вопросов слишком бросалась в глаза не только ее гостю. Чувствовалось, что за каждым ее вопросом стоит кто-то другой, а каждый его ответ будет иметь для него далеко идущие последствия. Девушка с легкой запинкой, но твердо произносила явно не ею придуманные слова о «последовательной системной критике театра», напирая на желание прославленного премьера «расчистить путь к креслу диктора».

Танцовщик, напротив, выглядел собранным и элегантным, отвечал вежливо, поначалу решив, подчеркнуть их близкое знакомство, придавая тем самым более высокий статус потрепанной ведущей, рейтинги которой давно и неуклонно падали. Алла Давыдовна лишь усмехнулась, видя, как девушка жестко дистанцируется от премьера, намеренно ему «выкает», хотя по его

манере общения чувствовалось, что они с ним очень давно общались на «ты», причем, девушке всегда льстило столь короткое знакомство с Николаем.

Сейчас она перла на него танком, зачем-то передавливая с его «критикой реконструкции театра».

- Окипета? – окликнула Алла Давыдовна телефонную трубку. – Посмотрела эту вашу малохольную «живьем». Ты должна была учесть, что мы в качестве старших парнасских сестричек имеем битых жизнью бабешек. С одной стороны это хорошо, но с многих других сторон – очень плохо. С мужчинами было бы намного проще! Я уверена, что сейчас старшенькая у них мигом все сообразит. Понимаешь, очень бросается в глаза, что девка знает больше, чем говорит вслух и пытается донести чужое. А этот ее внешний вид, ее карнавальные бровищи, скрывающие мешки под глазами с перепоя... Любая опытная баба тут же прикинет, что она не сама работала над интервью, раз даже причесаться прилично не смогла.

- Аэлло, если бы ты знала, с какой помойки мы ее притащили! – заверещала в трубку Окипета. – У нас здесь все срывается! После разговора Мылина с носильщиком Аэллопы, тот взял и свалил вместе с Каролиной куда-то на все новогодние праздники! Он домой даже не приходил, представляешь? И телефон выключил, нарочно вынув симку...

- Поймай, а разве операция назначена не на завтра? – встревоженно спросила Аэлло, слыша, как Окипета начала всхлипывать в трубку. - Мне Келайно позвонила, сказала интервью посмотреть, я еще удивилась про себя. Потом подумала, что девка его спросит, не знает ли он, где Мылин... А она лишь осторожно намекнула про «борьбу за кресло», будто нынче середина декабря, а не январь начался. У нас же все было намечено на конец праздников, верно?

- Говорю тебе, мы не знаем, где он! Он симку от телефона в машине оставил, а сам даже в Новый год домой не зашел! – взвизгнула в трубку Окипета так, что Аэлло отстранила телефон от уха и с недоумением посмотрела на свой визжащий айфон в футляре, украшенном стразами и изящной гравировкой. – Аэллопа сказала, что его тесть ходил к их дому, где у него машина стоит, и шины ему проколол «за все хорошее»!

- А еще мне не понравилось, что девка все время на тебя ссылается! «Никифорова сказала мне это, Никифорова показала мне то!» – зло оборвала визг сестры Аэлло. – И при этом Мельпомена смеется над ней, обращаясь через ее голову «дорогие телезрители». Ведь тебе потом надо с чем-то выйти! Она тебя сейчас с головой выдает. И когда пытается отрезать ему путь к его возможным покровителям... задавая вопросы о тех, кто «лоббировать» его творчество в правительстве. Он уворачивается с легкостью, а вот ты выдаешь тех, с кем согласована операция.

- Что мне еще остается делать? Я выжимаю из абсолютно безнадежной операции все, что могу!

- Ты передачу записала? Я ее записала! И думаю, ее многие записали, завтра сама прокрутишь на Ютубе, - постаралась сдержаться Аэлло. – Что ты «смогла выжать»? Этот девичий лепет про высоких покровителей он обошел с легкостью, а дальше, почуввав недоброе, воззвал к Каллиоппе! Он перекрикивает ведущую, повысив голос: «А не надо путать огурцы с кефиром!», а та прямо осведомляется, какие это «огурцы» он имеет в виду? Не про кефир спрашивает, а тут же говорит: «А можно поподробнее рассказать про «огурцы», которые вы постоянно упоминаете?» А потом удивляется, почему он не подал в суд, когда худруком балета назначили Мылина после рассылки по тысяче адресов снимков сексуальных оргий его знакомого! Потом добивается назвать фамилии тех, кто его поддерживает! Она пытается

придать «яркий политический подтекст», а отовсюду лезут делишки Мылина, которые мне потом придется чем-то крыть.

Трубка опять взорвалась диким визгом, поэтому Алла Давыдовна опять отнесла ее от своего уха, и на ее прекрасное лицо легла тень мрачной озабоченности.

- Хорошо-хорошо, не кричи так, - оборвала она Никифорову. – Значит, надо все переносить ровно на неделю, раньше мы подключиться не сможем, Миша поехал дань по области собирать, пока все после праздников тепленькие. Но здесь нужен шок! Нужно выдумать что-то из ряда вон... Одними тяжкими телесными не обойтись... Что говорит Аэллопа про этого хмыря, которого тесть Мылина в качестве исполнителя подготовил?

- Ну, она говорит, что он такой нервный, дерганый, - неохотно ответила Окипета сорванным голосом. – Сама у нее спроси, она же все передает, можешь всю панораму увидеть.

Да, это не впечатляет, но кого они еще смогут найти на такое дело? Там уже детали самого нападения на Мылина уточняются... Скажи, а ты сама не можешь найти подходящего надежного человека?

- Даже не думай! – возмутилась Аэлло. - У меня все подходящие и надежные на счету! Моя задача не посадить кого-то из них на семь лет, дожидаясь, когда они за решеткой лишнее болтать начнут, а никого не подставить! Чтобы создать нормальную рабочую обстановку в... нашем преступном сообществе, как это принято нынче называть. Или уж, на худой конец, зачистить так, чтоб только чистое место осталось. Что останется от нашего бизнеса, если мы с Мишей начнем своих надежных парней на семь лет сажать? Да и цель-то, я понимаю, была совсем иная! Укокошить Мельпомену и посадить профсоюзного говоруна на семь-восемь лет! А также припугнуть Мылина, чтобы он сидел возле жены и не рыпался!

- У них там, видно, с его женой серьезные проблемы, так просто их ведь не решить, - заметила Аэлло. – Давай еще раз просмотрим версию, учитывая, что наш потерпевший не желает участвовать в причинении ему тяжких телесных повреждений. И не скрывает своего нежелания, того и гляди, выскажет свое недовольство в средствах массовой информации. Типа: «А я не желаю, чтобы мой тесть организовывал на меня покушение при поддержке администрации театра для того, чтобы расправиться с неудобными членами балетной труппы!» Вот будет сенсация!

- Он такого не заявит, - не слишком уверенно ответила Окипета.

- А ты понимаешь, что мы все можем оказаться на крючке у этого Мылина? – осведомилась Аэлло. – Вы по-прежнему придерживаетесь плана о сломанной челюсти?

- Нет, мы изменили первоначальный план, - ответила Окипета. – Сейчас это будет химический ожог лица. Я же понимаю, что сломанная челюсть не будет выглядеть шоком.

- В любом решении есть свои плюсы и минусы, - заметила Аэлло. – Сломанная челюсть на некоторое время дала бы возможность залепить Мылину рот гипсом. Пусть бы сосал через трубочку! Ему было бы полезно для комплекции. Я откровенно боюсь его заявлений, а их не избежать. А с химическим ожогом надо будет действовать очень быстро, на все последующее остается не более двух недель. Стоит только затянуть, как все может вылезти наружу.

- Я это понимаю, - отозвалась Окипета. – Но другого выхода он нам не оставил. Мы думали, что Игнатенко и подобранный тестем Мылина исполнитель плана Загоруйко подъедут на машине водителя, также приставленного к Игнатенко. Они дождутся, как Мылин спустится к машине. Загоруйко пойдет к нему «поговорить по-мужски», якобы для того, чтобы надавать ему по морде. А сам плеснет ему электролит из аккумулятора! На камерах все будет отражено,

а врачи подтвердят, что Загоруйко плескал концентрированной серной кислотой, которую выпарил из электролита, найдя способ приготовления в Интернете.

- Хорошо, какие бонусы были у моего подзащитного идти на такой риск? Ведь этот Загоруйко, прости, производит двойственное впечатление, - заметила Аэлло, внимательно рассматривая переданную Аэллопаной панораму, где Загоруйко трясущимися руками сливал из аккумулятора мутную жидкость в пластиковую фляжку. - Слушай, я могу ошибаться, конечно, но ты на руки его посмотри! Ты видела руки у моего Миши? У него же все костяшки разбиты, хотя он всегда при тяжких телесных пользовался свинчатками и кистенем. Мне почему-то кажется, что это вообще какой-то бывший мент!

- Не знаю, - в отчаянии призналась Окипета. - Сама бы уже сто раз это сделала, но ты же понимаешь, что к месту преступления должен быть доставлен Игнатенко и обязательно должен быть «третий лишний», кто подтвердит, что Загоруйко и Игнатенко давно сговаривались расправиться с Мылиным.

- А откуда он деньги на преступление мог взять? - поинтересовалась Аэлло, вглядываясь во вращающуюся перед глазами голограмму с портретом Игнатенко.

- По задумке тестя Мылина, Игнатенко с этой целью должен был как бы грабануть профсоюзную кассу! Конечно, он намеревался сам ее грабануть, чтобы касса не досталась его зятю на новую женитьбу на балерунье Каролине, - с отчаянием в голосе прошептала Окипета.

- Его зять Мылин должен был еще перед Новым годом оставить в покое профсоюз, уйти с должности его лидера. А он этого не сделал! И наотрез отказался!

- А там что, много в кассе накопилось? - с растущим интересом спросила Аэлло.

- Они на водопровод и дорогу собирали, - ответила Окипета. - Члены кооператива с двух гастролей деньги вложили. И хотя мы эту кассу еще раньше почистили с кооперативом Гордея в Молитвенно Углу, там у них миллионов тридцать должно быть.

- Ничего себе! - присвистнула Аэлло. - У них конфликт должен был вращаться вокруг Талии, чтобы и ее кончить в одночасье, а сейчас разгорается конфликт-то по поводу того, что Мылин решил сам кассу грабануть! И как теперь объяснить заказ со стороны Мельпомены? Николай денег Игнатенко не даст, он никому даже в долг не дает, насколько я знаю. Он просто может подарить небольшую сумму. У Игнатенко теперь ни копейки, раз он кассой профсоюза не распоряжается... И зачем мы господину Мылину со своими заморочками и тяжкими телесными повреждениями, если он сейчас прекрасно отдыхает с Каролиной на деньги из профсоюзной кассы?

- Игнатенко не заплатили по президентскому гранту, ни копейки не дали из Попечительского фонда, он получил голую зарплату, которая вся на алименты ушла, - затараторила сквозь слезы Окипета. - Талия тоже получила один голый оклад, Мылин ее спектакли по привычке своим приглашенным солистам записал, даже за «Щелкунчик» не заплатил, который Талия с

Мельпоменой 31 декабря танцевали. Поэтому Игнатенко на Новый год у одного танцовщика кордебалета занял 30 тысяч рублей...

- Но это же несерьезно! – воскликнула Аэлло.

- Я уже думала над этим, - призналась Окипета. – Давай, скажем, что он занял 50 тысяч рублей, другого выхода нет.

- А как деньги попадут к Загоруйко? Ведь передача должна состояться при водителе! – продолжала недоумевать Алла Давыдовна.

- В том-то и дело, - грустно отозвалась Окипета, - Загоруйко попросил взаймы у Игнатенко, тот передал ему 10 тысяч рублей с переднего сидения – на заднее, где сидел Загоруйко. Водитель не мог видеть, сколько ему Игнатенко денег дал. И Загоруйко при водителе сказал, что скоро отдаст «эти пятьдесят тысяч». Ну, и захохотал, чтобы Игнатенко его не поправил.

- С одной стороны, всегда приятно иметь дело с честными и беззащитными идиотами, с другой стороны, это так напрягает! – с долей иронии заметила Аэлло. - Ведь все это вылезет рано или поздно! Но ты понимаешь, что с Мельпоменой можно расправиться лишь в течение двух недель, причем, даже не после самой операции, а после этого интервью «живьем»?

- Я понимаю! – решительно сказала Окипета. – Но и ты пойми, что больше двух недель я этот кошмар сама не выдержу! Пойду одна добивать их всех, если никто из вас мне не поможет!

- Ты с ума не сходи! – оборвала ее Аэлло. - Вернемся к моему вопросу! Чем заманивали моего клиента на место преступления? Даже в отношении профсоюзной кассы он ведь несколько не изменил свои намерения.

- Мы сказали, что ему будет бесплатно сделана круговая подтяжка, качественная шлифовка с антивозрастной косметикой, снятие возрастной катаракты, ну... полное омоложение, - пояснила Окипета. – Выбрали все самое качественное и дорогое, что сегодня только можно вообразить. Его Каролина все же слишком молода, она всего лишь два года назад училище закончила, ей же, по-моему, двадцати еще нет. Мы и прикинули, что ему такое понравится.

- А кого думали на место худрука, пока он... гм... омолаживается? – поинтересовалась Аэлло.

- Да его бывшую жену хотели поставить, - честно призналась Окипета. – Чтобы она до некоторой степени проявляла лояльность, но была готова остаться в этой должности на постоянку. Ведь не знаешь, как все наладится. А он ей многим обязан, она всегда была к нему лояльна.

- Этот Мылин ваш... как кролик похотливый! – усмехнулась Аэлло. – Но ведь с этой гражданкой тоже не будет полной уверенности. Да он, чувствуется, со всеми девицами у вас имел там либо любовь, либо общих детей.

- Это тема особого разговора, ты даже не представляешь, как меня достали все его жены и любовницы! – вновь заорала Окипета. - Он ведь Талию пытался охмурить! И такого ей наболтал...

- Я Талии меньше всего опасуюсь, - ответила Аэлло. – Мне в панорамах Аэлоппы кое-что насчет Мельпомены не понравилось. Перекрути-ка, к моменту, когда лошадка Аэлоппы тащится к вам на заседание в Оранжевую гостиную и проходит через фойе... Видишь?

Алла Давыдовна замерла с трубкой возле уха, ее глаза будто повернулись вовнутрь, напоминая перламутровым отблеском без зрачков - белые глаза сыновей Подарги. Перед ее внутренним взором из бокового коридора в фойе вышел главный премьер театра Николай, за которым семенила сухонькая интеллигентная старушка с поджатыми губами, подведенными ярким карандашом. Вдруг Николай остановился, как вкопанный, зачарованно глядя прямо в глаза Аэлоппе. Изображение начало дергаться, будто неуклюжая Аэлоппа решила пришпорить

свою лошадку. Уши Аллы Давыдовны резануло ее криком: «Мельпомена! Он меня видит! Уходи, уходи к Окипете, старый дурак!»

- Ты поняла? – спросила Алла Давыдовна телефонную трубку. – Как сейчас кончать Мельпомену, если он нас видит? Вернее, его надо было немедленно кончать, в тот же вечер! А Аэллопа еще строила планы, профукала новогодние празднички господина Мылина... Она уже общается со своей лошадкой накоротке! А тот ведь, тесть Мылина, тоже не дурак... Он вроде бы в шахматы играет, да? Вспомни-ка, как он вообще в наш круг попал? Как его вообще могла оседлать Аэллопа?

- Старик! – выдохнула Окипета. – Ей не хотелось с ним связываться из-за камеи с моим изображением, раз он ее видит. Вот она и выбрала Антона Борисовича... Я же хотела покончить со стариком! Мы тогда с Холодцом камеею хотели у него забрать и прикончить. А он ее заранее где-то спрятал, подлец! И Холодец решил его пока оставить. Нам и в голову не пришло, что он может запросто пойти и отдать камеею Мельпомене! Я была уверена, что когда мы у него были, он ее еще никому не передавал. И пусть бы эта проклятая камеея сгнула вместе с ним! Так нет, Холодец решил его пожалеть, а сам все бросил и увлекся пиаром фильма Телксиепии!

- Старик, - задумчиво отозвалась Аэлло. – Мне недавно Келайно жаловалась, что он приходил в Генеральную прокуратуру к ее оборотням в погонах, ее видел, читал материалы, изъятые у Каллиопы. Она попросила Холодца заставить старика воздействовать как-то на старшую музу... энергетически. А тот взял и попутно усилил Мельпомену камеей! Я иногда отказываюсь понимать Холодца!

- А насчет Холодца скажу тебе, что давно разочарована в его постоянстве, - поддакнула Окипета. - Посмотри, он и Эрато оставил бегать по всем... с часами Сфейно! В театре она Мельпомене два часа на нас глаза открывала. Этот Коля при любом случае вдруг начал многозначительно бросать свою коронную фразу про огурцы с кефиром! Увидел, что я один раз слишком резко на эти его «огурцы» среагировала, так по любому поводу начал их вставлять!

- Мы с этой идиоткой Аэллопой чуть живьем не сгорели, когда на нас Сфейно выскочила, - мрачно ответила Аэлло. – На мне перья плавилась, представляешь? Аэллопе крылья особо не нужны, она на тесте Мылина ездит, а мне при моем образе жизни иногда надо в трех местах одновременно находиться! Мне иногда кажется, что Холодец откровенно развлекается! И не может определиться, кто же вообще-то является «птицами Гермеса» - мы или сирены? А доказывать ему, что мы лучше этих жеманниц с их уговорами лечь и помереть – не вижу смысла, если он сам не понимает степень их эффективности. У меня Мише приходится круглые сутки уговаривать самых несговорчивых. И никто не спешит добровольно «отдаваться в объятия смерти»! Иногда руки-ноги оторвешь, одна башка останется, а они еще жить хотят, представляешь?

- Вы все равно были на высоте! – льстиво заметила Окипета. – Сорвать главную горгону с места, выкурить ее из убежища – это же половина сделанного дела! Обычно она превращается в пламя где-то в самом конце истории, а тут ее в самом начале обезоружили! Я ее видела среди каменных статуй высоты на Котельнической набережной. Она не скоро сможет летать. А ее часы Эрато оставила в доме Терпсихоры, которую мы десять лет назад из театра выгнали.

- Вот и попросим Келайно, чтобы она упросила Холодца заставить сирен заняться чем-то полезным, - подхватила Аэлло. – Холодец сколько раз говорил, что Келайно – его любимая птица! Пока Сфейно не проснулась, пусть Телксиепия с сестрами заберет часы у Терпсихоры!

Ты выведай, когда она на гастролы уедет, передай Келайно. Эти трусливые твари не пойдут к дому, зная, что там их может ждать муза.

- Я бы тоже не решилась, - заметила Окипета. – Ты же знаешь, что может произойти, стоит музе воззвать к Мусейону и превратить свой дом в крепость.

- Брось! Время прежних муз прошло! – почти беззаботно откликнулась Аэлло. – Нынче мы имеем дело с лохами, которые ни о каком Мусейоне понятия не имеют, а занимаясь искусством, верят, что это – всего лишь профессия. Давай все же прикинем, как нам загнать моего клиента к родимому дому - для причинения ему тяжких телесных повреждений на десять тысяч рублей тремя циничными злодеями?..

* * *

- Нам еще шампанского в номер, икры, салатиков каких-нибудь, разносолов, - заявил художественный руководитель балета в трубку местного телефона, поправляя белоснежный фирменный халат отеля перед зеркалом. - И еще букет белых роз! Как нет? А какие есть? Из светлых оттенков роз в наличии были только нежно-розовые и кремовые розы. Слегка поморщившись, Мылин заказал нежно-розовые.

Любой отказ или малейшее препятствие сильно раздражали его в последнее время. На безмятежную неделю новогодних праздников он снял номер в дивном подмосковном отеле, карточку которого передал ему Аркадий Барабуль. Он знал, что его будут караулить в аэропортах и на вокзалах все эти жалкие шакалы его тестя Антона Борисовича и мужа его младшей дочери, желая загнать обратно к Дашке в его квартиру, которую она и не думала освобождать, в сущности, не имея прав на его

жилплощадь. Сыновей было немножко жаль, он обещал старшему поиграть в хоккей и сходить на елку. Но прекрасно знал, что нельзя из жалости рубить кошке хвост постепенно. Даша должна была понять, что у него начался новый жизненный этап, который совершенно не связан с их гражданским браком.

Он вспомнил всех своих женщин, которые прекрасно все понимали, и впоследствии, пережив сложный период разрыва, оставались хорошими друзьями, помогая друг другу в сложных жизненных ситуациях.

Разрыв с Дашей, к которому, он был уверен, она уже вполне была внутренне готова после его совместной поездки с Каролиной в Нью-Йорк, осложнялся абсолютно идиотским

препятствием в виде ее отца Антона Борисовича. Его напускная подобострастность нисколько не обманывала Мылина, он знал, что за хитрыми ходами Даши, нервировавшими Каролину, стоит именно Антон Борисович. Жаль, что из-за демаршей Дашиного папочки и мужа ее сестры, дравшегося за жилплощадь тестя в центре Москвы, - оказались наказанными его сыновья, с которыми он планировал провести пару дней перед Рождеством. Однако после очередного заявления Дашки в раздевалке, будто «их любовь возродилась в прежней Мылинской бесшабашности», и демонстрации браслета с бриллиантами, якобы подаренного им жене на католическое Рождество, Каролина так горько рыдала в его машине, что он решил остаться с ней в отеле на все праздничные дни.

В отель он позвонил с новой симкой, которую накануне попросил купить мать, оставив старую симку в бардачке машины у дома. Не заходя домой, он встретился с Каролиной в условленном месте. И когда при регистрации в отеле он сказал, что они пробудут в номере все праздники, он с удовольствием увидел, как у девушки порозовели щеки, став именно нежно-розовыми.

Как славно, что он не поддался уговорам Каролины - тащиться куда-то на Мальдивы, полностью уничтожая впечатления от поездки трудными перелетами. Тишина, предупредительный персонал, царское убранство отеля, великолепная кухня и танцы в карнавальных костюмах при свечах, заставили и Каролину выдать признание, что только теперь она начала понимать русских аристократов, которые хоть и имели деньги, но не сбежали с ними сразу же в Лондон или Париж. Все дни она наслаждалась комфортом и окружавшей ее роскошью, удивляясь, как можно, оказывается, шикарно проводить время, никуда не уезжая из Москвы.

В отеле были замечательные спа-залы с тайским массажем, грязелечебницей и ароматерапией. Турецкие бани, финские сауны и русская парная были расположены при бассейне с гидромассажем. Эти дни беззаботного бытия среди сказочной красоты серебряного бора, с катанием на тройке и вечерним прогулкам возле небольшого катка, украшенного фонариками и юными фигуристками – заставили его прийти к окончательному решению навсегда порвать даже не столько с Дашей, сколько с ее отцом.

Сам вид ее отца не только тянул его мыслями к прежнему безденежью, когда он был никому не нужен, понимая, что ему одна дорога – уйти из театра, слоняясь где-то по задворкам. Угодливые манеры Антона Борисовича в налаживании контактов с людьми, в постоянных попытках всем навязаться не просто с мнением, а с готовым решением, - до крайности нервировали и не давали сосредоточиться на собственной жизни. Сам Антон Борисович стать художественным руководителем балета, конечно, не мог, но почему-то считал, что раз хоть в чем-то помог достичь этого поста ему, то может теперь чуть ли не готовые мысли ему в голову вкладывать, не только ничего не понимая в балете, но и ни за что не отвечая.

Дашкин отец считал, будто после этой истории с рассылкой компромата по тысяче адресов, у них возникнут доверительные отношения подельников. Он совершенно не понимал специфику совместного бытия членов труппы в театре, где сцена поглощала все мысли и стремления. Вся их жизнь была связана со сценой, оставляя на всю «обычную жизнь» - крошечный пятачок за кулисами. Они многое знали друг о друге, выходя вместе на сцену, дополняя друг друга, становясь неразделимыми в спектакле, держась одной семьей на гастролях. Антон Борисович не понимал, что балет являлся жанром коллективного творчества не только самих танцовщиков, но и множества «лиц за кадром», вплоть до костюмеров.

Мылин злился, что отец Даши, даже глядя на их открытые костюмы, где современные балеты танцовщики исполняли обнаженными по пояс, в одних легких трико, - разработал операцию,

которая изначально разрушала возможность занять признанные лидерские позиции, что полностью перечеркивало все сделанное им в профессии раньше.

Конечно, между танцовщиками балетной труппы многое бывало в условиях жесточайшей конкуренции и борьбы за место под софитами, вплоть до драк в театральном подъезде. А у их милых партнерш аналогичные выяснения отношений могли дойти и до стекла, подсыпанного в пуанты. Но все ссоры и стычки никогда не были достоянием чужих, все решалось между своими. Для самого Мылина подобные ссоры были чем-то вроде прописки в труппе, означавшим, что его приняли в свой круг избранных и видят в нем серьезного конкурента.

Впервые это жесткое табу было нарушено методами, абсолютно чуждыми законам жизни балетных артистов. Его попытка свести историю с рассылкой снимков из чужого телефона – к интригам Николая, успехом не оправдалась. Никому не составило труда узнать, кто на самом деле обзванивал и собирал всю труппу для обсуждения грехопадения директора труппы. Все знали, что Николай плохо разбирается в новых информационных технологиях, так и не освоив компьютер, не имея собственных аккаунтов в социальных сетях.

Своим извращенным сознанием Антон Борисович не только считал всех балетных артистов «идиотами», на его лице и в офисе «Классических традиций» было написано искреннее убеждение, будто «балет может нравиться только лохам». Но, кроме того, Мылин видел сквозившее на лице отца Даши убеждение, будто он может радоваться тому, что его стали откровенно опасаться в труппе. Понимая, насколько бесполезно убеждать Антона Борисовича в обратном, Мылин начал стремительно отдаляться от него, самостоятельно искать какие-то возможности уйти вверх по служебной лестнице с поста художественного руководителя балета. И делал он это вовсе не из-за «взыгравших амбиций», как однажды вырвалось у его «подельника». Антон Борисович даже не понимал, насколько начал тяготить его одним своим присутствием рядом, постоянно напоминая о совершенной ими подлости. Он даже не подозревал, что работать худруком балета невозможно, если отношения с труппой зашли в такой тупик, когда люди держатся с ним вежливо и отстраненно, отводя глаза в сторону. Он понимал, что без взаимного творчества, без полной открытости и искренности – его работа вообще не имеет никакого смысла, он превращался в мелкую пешку на шахматной доске Антона Борисовича. Поэтому и старался окружить себя верными людьми из театров рангом ниже, в своих «амбициях» он был вынужден поставить крест на творческих планов, понимая, что от сцены ему теперь надо держаться как можно дальше. У него оставалась одна надежда, что если он будет смотреть на вожденную сцену из директорской ложи, его бывшие коллеги, соратники и друзья – перестанут смотреть на него, как на чудовище.

В дверь номера тихо постучали, он распахнул двери перед служащим отеля, одетым в лакейскую ливрею, какие он видел в спектаклях театра в сценах «Во дворце короля». На минуту ему даже показалось, что за этим лакеем с подсвечником - впорхнут его прежние подружки-партнерши, закружатся, защебечут свои песенки, а потом войдут и те, с кем он столько самых трудных лет делил гримуборные и костюмерные... Будут улыбаться, шутить, разливать шампанское...

На его лице было написано такое разочарование, что старик-лакей, вкативший в номер его заказ на сервировочном столике, сочувственно покачал головой. Ловко сервируя обеденный стол, он с каким-то неуловимым шиком подал Мылину букет свежих высоких роз. Он был благодарен администрации отеля, тонко понявшей всю сложность его «пикантной» ситуации, и поставившей прислуживать им не молодых красавцев, обслуживавших другие номера, а

этого старика, в чем-то напоминавшего дворецких из английских исторических фильмов про старину.

В их лакее было еще одно качество, каждый раз приятно удивлявшее Мылина. Он обладал внешностью, которую было практически невозможно запомнить. Иногда ему даже казалось, что если он вплотную прислонится к стене, обитой английским ситцем с зелеными огурцами, то немедленно с ней сольется вместе со своей яркой лакейской ливреей.

С Каролиной у старика-лакея сложились какие-то доверительные отношения, напоминавшие сюжет из фильма «Красотка», где девушка, попавшая в шикарный отель с улицы, просвещается многоопытной прислугой. Старик рассказывал Каролине, как следует держаться на общих обедах и ужинах при свечах, что надевать к завтраку и коктейлю, с кем следует здороваться, а кого подчеркнуто не замечать, зная, что подобная деликатность будет должным образом оценена «в высшем свете».

Мылин только поморщился, представив, как Антон Борисович всем бы здесь навязывался со знакомством, пустыми разговорами и рассказами о том, сколько пользы он сможет принести в будущем этим чопорным неразговорчивым людям, кивавшим им с Каролиной за завтраком с долей высокомерной отстраненности.

Однажды Мылин с удовольствием подслушал разговор Каролины с лакеем, который без всякого снобизма объяснил ей разговор двух дам за ужином.

- Лев Иванович, они что-то говорили про «любимую птицу Хичкока», а здесь у вас Интернета нет, - жаловалась лакею Каролина.

- Они имели в виду фильм Хичкока «Птицы», снятого по одноименному рассказу Дафны дю Морье, - пояснил ей лакей. – Сейчас в высших кругах идет бум пятидесятых. Вы же заметили, что многие дамы причесываются к ужину под Одри Хепберн? В моде шиньоны, гладкие высокие прически, открытый лоб, свободные линии кроя и... фильмы Хичкока! Особенно, конечно, те, которые он снимал по новеллам Дафны, которую называют его «любимой птицей» с определенной долей иронии.

- Но я в Cosmo читала, что сейчас в моде «сумасшедшие восьмидесятые», - с огорчением заметила Каролина. – У меня все платья яркие... чувствую теперь себя ужасно! И никогда таких фильмов ужасов не смотрела, рассказов не читала. Что мне теперь делать?

- Не огорчайтесь! – по-отечески ответил старик. – Книжку Дафны я видел в отеле, кто-то из постояльцев забыл. Пятидесятые сейчас для очень продвинутой публики, иначе никто в одежде не будет отличаться. Поэтому я вам и советовал не надевать зеленое платье от Версаче со стразами. Я принесу на ваш размер несколько фирменных туалетов. Запомните, что Cosmo – для всех! Но, прежде всего, для непосвященных. Вчера вы сделали жирные стрелки под начало 60-х и выглядели вполне «в теме».

- Спасибо вам, Лев Иванович! – прижимая руки к груди, отвечала Каролина. – Если вы еще нас посадите на ужин к каким-нибудь магнатам... нефтяникам... А то у нас у одного премьера поклонники из геологоразведки или геофизики, я в этих вещах не разбираюсь. Так они ему квартиру купили и пенсионный полис от Сбербанка!

- Я вас понял, - поклонился ей старик. – Непременно переговорю с метрдотелем.

Принесенной лакеем книжкой заинтересовался и сам Мылин, с удивлением обнаружив, что кинозал при отеле, где крутили старые черно-белые фильмы Хичкока, отнюдь не пустует. Вначале ему казался странным выбор в фильмотеке отеля. Фильмы были очень старыми, в графе «жанр» напротив большинства из них стояли английские слова «thrill» («триллер», от

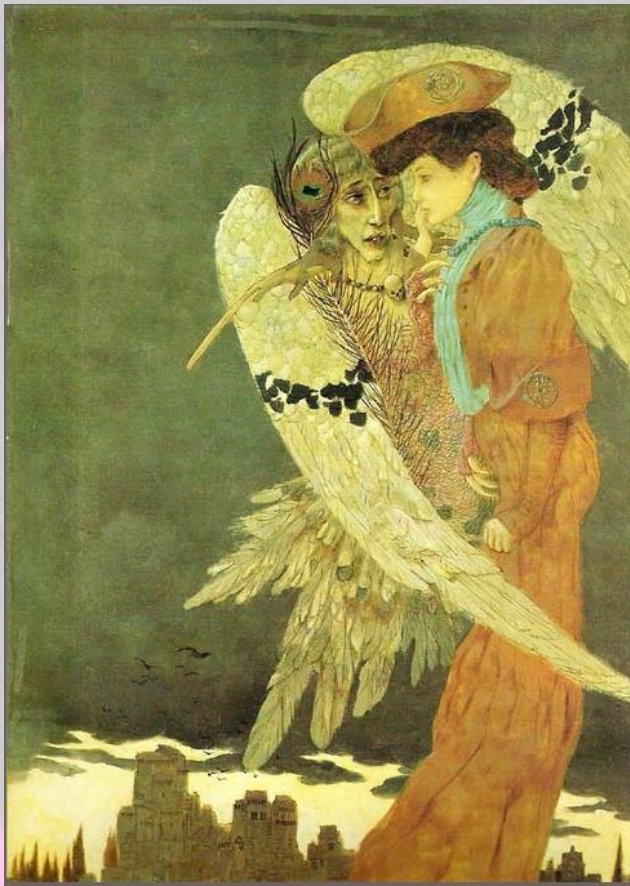
англ. «трепет») и «suspense» («саспенс», от англ. «напряжение»), как пояснил Каролине старик. Кроме фильмов ужасов, в фильмотеке отеля было лишь две старые драмы и мюзикл «Суини Тодд, маньяк-парикмахер». Однако против них не стояло ни одной галочки. Выбор большинства постояльцев отеля остановился на фильмах Альфреда Хичкока «Ребекка» и «Птицы».

Раньше Мылин был уверен, что современные зрелищные блокбастеры с визуальными эффектами, использовавшими высокие технологии в 3D, навсегда вычеркнули старые фильмы. Ему никогда не пришло бы в голову, что в отеле собрались такие утонченные эстеты. Однако ему было странно, что в детские счастливые праздники Нового года, навсегда наполненными для него сказкой, запахом мандаринов и ожиданием подарков, все вокруг предпочитали фильмы Хичкока, мастерски создававшего в своих фильмах атмосферу тревожной неопределённости и напряжённого ожидания.

Каролина надевала строгое черное вечернее платье, а он – фрак, и они чинно отправлялись под руку на киносеанс, раскланиваясь с собравшимися, вполне благосклонно относившимися к их присутствию, без осторожных шепотков за спиной. Хотя Мылин мог бы поклясться, что все они были отлично осведомлены от прислуги об их прошлом, настоящем и будущем. Лев Иванович рассказывал Каролине о каждом, меняя по ее просьбе жетоны на столах, чтобы они были окружены самым изысканным обществом... возможных спонсоров и кандидатов в Попечительский совет театра.

Его удивляло, как равнодушие пресыщенных, все повидавших людей, давно привыкших к своей избранности, к особому статусу, не позволявшему им в самых незначительных привычках опускаться до «простолудинов», мигом слетало с благодушно улыбающихся лиц, стоило погаснуть свету в небольшом кинозале отеля. Только в окружавшей их спасительной темноте, под оригинальную музыку, написанную Бернардом Херрманном специально для фильмов Хичкока, они на непродолжительное время становились сами собой. Мылин видел их несчастные лица, измученные внутренними страхами и каким-то тянущим душу неопределенным ожиданием. Фильмы Хичкока лучше всего соответствовали их внутреннему настроению. Свет с экрана рождал иллюзию, будто все они стали персонажами черно-белого фильма ужасов. И Мылиным, отлично разбиравшимся в театральной жестикуляции, отчетливо читалась главная мысль каждого фильма - в мимике окружавших их с Каролиной мужчин во фраках и женщин в траурных вечерних платьях.

Ему казалось, что жизнь для них давно состояла лишь из черного и белого, с почти незаметными оттенками серого цвета. Она была наполнена постоянным, тщательно скрываемым ожиданием какого-то ужаса, очень тонко соответствовавшего режиссёрскому почерку Хичкока, прошедшего творческое становление накануне Второй мировой войны, когда мир еще и не подозревал, как далеко люди могут отойти от основ человеческого в собственной душе, до какой бесчеловечности опуститься. Бережная работа Хичкока со звуком, использование неожиданных эффектов для усиления довольно монотонного и почти обыденного действия, и у Мылина вызывало странное чувство обреченной расслабленности. Все, что происходило на экране, снималось как бы с точки зрения какого-то персонажа, с такого аспекта, что зритель видел сцену чужими глазами, полностью сливаясь с героями фильма. Движения камеры и ее ракурсы в этих фильмах, не рассчитанных на дорогостоящие визуальные эффекты, отличались непредсказуемостью и парадоксальностью, точно отражая судорожно бившуюся в виске мысль человека, попавшего в смертельную ловушку обстоятельств.

Ему было неловко следовать советам предприимчивой Каролины, толкавшей его к новым связям и знакомствам. В кинозале он видел их истинные, настоящие лица, а в ресторане отеля все они казались ему маскарадными масками. Будто они были куклами-марионетками, разговаривать с которыми о делах не только не имело смысла, но могло навсегда лишить его возможности столкнуться с тем, кто на самом деле мог решить все его проблемы.

Даже в турецких банях с одним полотенцем вокруг пояса эти люди умудрялись производить впечатление успешности - в клубах пара, под потом, капающим с подбородков. Но как только он решался с ними заговорить, ему казалось, что в их понимающих и насмешливых глазах тех, кто вершит судьбы и оделяет достоянием, проносятся черные крылья страха. И все его заготовленные фразы рассыпались в ненужный

пепел.

По странному пристрастию Хичкока снимать в главных ролях «холодных» блондинок с безупречными чертами лица Мылин догадался, откуда в «лихие 90-е» взялась довольно неожиданная для мода на женщин 30-х годов. В их безупречной красоте, очерчивающей незримые границы порочной тайны, ему чудилась их внутреннее, не всегда сознаваемое влечение к смерти. Будто смерть, неважно чья, - была той единственной страстью, которая могла привлечь их по-настоящему. Они будто узнавали ее черты, вожелали лишь ее одну, с легкостью перешагивая ей навстречу - через чужую любовь, потерявшую для них цену.

Он с интересом просмотрел брошенную Каролиной книгу, где, кроме романа «Ребекка» было несколько рассказов Дафны дю Морье. Решив сходить на массаж, он, зная, что иногда у кабинета приходится немного подождать, взял книгу с собой, потому что Каролина решила совершить верховую прогулку.

- О! Отличный выбор! – сказала женщина, сидевшая напротив него в холле крыла spa-процедур. – «Ребекка» - не просто самый известный роман Дафны дю Морье, не просто книга, по которой снят культовый фильм Альфреда Хичкока. Не просто произведение, заложившее стилистические основы всех «интеллектуальных триллеров» наших дней... гм... в нашей с вами действительности. Это роман уникальный, страшный и... прозрачный, хотя и простой. Настоящий элитный роман, без которого не существовало бы ни "Степного волка" Гессе, ни "Кэрри" Кинга.

- Вообще я такие вещи не люблю, - откровенно признался Мылин. – Но здесь отчего-то увлекся...

- Из-за общего увлечения? – мелодично расхохоталась дама.

Мылин с интересом взглянул на нее, безуспешно пытаясь понять, сколько ей лет. Он ни разу не видел ее в отеле, иначе навсегда бы запомнил ее холодные ярко-голубые глаза, оттененные

густыми длинными ресницами. На ней было надето свободное черное платье с золотой окантовкой. Мылин уже неоднократно встречал подобные платья на женщинах, крой которых в последнее время приобретал особую популярность. На них не было вытачек, они свободно струились по фигуре. Это было большое полотнище, прихваченное по бокам и с отверстием для головы. Под грудью корпус женщины охватывала сложная шнуровка каким-то витым золотым поясом так, что свисавшая с плеч черная ткань была похожа на большие крылья с жестким оперением.

- Как вас зовут? – выдохнул Мылин вопрос, который ни в коем случае не следовало задавать в стенах отеля.

- Меня зовут Подарга, - ответила женщина просто.

- Очень приятно, - машинально ответил Мылин.

- Все зависит от обстоятельств, - неопределенно ответила она.

Ее головка с густыми курчавыми черными волосами была бы удивительно прекрасной, если бы карминовые губы безупречного очертания, время от времени растягиваясь в улыбке, не обнажали ряд узких длинных зубов. Мылину даже пришлось в голову, будто их было раза в три-четыре больше, чем у обычной женщины. Но то, что сидевшая напротив красавица была необычной, он понял сразу, с одного беглого взгляда на ее фигурку, отливавшую золотом с чернью.

Необычным был и золотой ободок, венчавший ее головку, мерцая жирным блеском настоящей древней драгоценности. С внутренним разочарованием Мылин понял, что как бы высоко он не взлетел, он никогда не сможет сходу определить стоимость таких украшений в валюте.

В ее ушах покачивались крупные грушевидные сапфиры, преломлявшие падавший на них свет - жирным ультрамариновым блеском. А от ее нежного личика, светившегося в полумраке холла, невозможно было оторвать глаз, если бы не длинный узкий язык, которым она постоянно облизывала свои зубы, больше похожие на острые иглы.

Вначале Мылин, глядя на новую знакомую, даже подумал, не поторопился ли он с Каролиной, купив перед Новым годом бриллиантовое кольцо, чтобы перед отъездом сделать ей предложение. Сколько бы он смог достичь, будь рядом с ним такая царственная женщина, за плечами которой, укрытыми большими черными крыльями, вставали века власти. Причем власти настоящей, неподдельной, не прикрытой фиговыми листками рассуждений про демократию, всеобщее благо и назревшие реформы. Он чувствовал, что она, не задумываясь, возьмет то, что ей захочется, и бросит без сожаления, если это окажется ей ненужным.

Он уже предвкушал, как с такой необычной спутницей покажется в театре, поставив на место всех своих «балерунов», у которых навсегда отпадет охота говорить ему неприятные вещи и злословить за спиной.

Неожиданно дверь, у которой сидел в ожидании Мылин, распахнулась, из нее вышел мужчина с полотенцем на шее. Подарга медленно поднялась с дивана напротив и призывно протянула к нему руки. Мылин понял, что дама явно «не его романа» и с каким-то удивлением почувствовал в себе крайнее облегчение от одной этой простой мысли.

Увидев ее, мужчина вдруг больно вцепился ему в плечо, а с его лица сползло выражение крайнего блаженства, которым он светился минуту назад.

- Это ты? Уже? – беспомощно прошептал он, причиняя боль Мылину, пытавшемуся убрать его руки со своего плеча. – Так скоро?

- Да, уже пора, - мягко ответила Подарга, подходя к нему.

Властным движением рук она будто что-то выдернула у него из-под ног так, что он едва устоял на ногах. Лицо мужчины сразу посерело и обмякло, он отпустил плечо Мылина и безвольно позволил Подарге взять себя под руку. Она почти бережно его подхватила и повела к выходу из холла. Мужчина шаркал ногами, как тяжело больной, с недоумением оглядываясь вокруг.

Вечером Каролина с огромным разочарованием заметила ему, что ее планы на ужин срываются. Самый главный нефтяник или газовщик неожиданно выехал из отеля, даже не

отобедав. По словам Льва Ивановича, ему стало плохо, за ним приехала какая-то дальняя родственница.

Мылин в ответ лишь пожал плечами, чувствуя, как ноет левое плечо, за которое хватался нефтяник, увидев свою странную родственницу. На ночь он теперь читал новеллы Дафны дю Морье из книги, принесенной Львом Ивановичем с целью просвещения Каролины.

Поздней ночью, когда она безмятежно спала, образы взбесившихся птиц, пожиривших людей, казались ему удивительно реальными. И при этом он никак не мог избавиться от странного ощущения, что за многими сюжетами книги стоит женщина, подобная Подарге, просто Дафна дю Морье откровенно боялась прямо говорить об ее непосредственном участии. От этого все сюжеты приобретали необъяснимость, недосказанность, неопределенность.

Первым он прочел рассказ «Птицы», вспомнив, как поразился тому, что от праздничного стола, встретив Новый год с небольшим фейерверком возле отеля, большая часть гостей отправилась в кинозал смотреть одноименный фильм Хичкока, где огромные черные птицы нападали на людей. Тогда ему пришло в голову, что перед тем, как убить человека окончательно, птицы будто крали его душу, выклеывая не просто глаза, но «внутреннее зрение», которым человек воспринимал окружающий мир.

Поступки героев фильма становились все более сюрреалистичными, им хотелось жить, но вокруг их гибли и пропадали люди. Они смотрели на пустые дома, не испытывая ни жалости, ни сострадания, погруженные в тяжкие заботы выживания. Как в войну, они ждали помощи армии, но до спасения еще надо было дожить. Однако, когда это спасение все же приходило, зрители понимали, от героев, переживших этот ужас, давно осталась одна видимость, пустая оболочка.

В рассказе, в отличие от фильма, где были заняты вполне взрослые люди, речь шла о семье фермера Ната, впервые столкнувшегося со странным поведением птиц, когда они ночью набросились на его спящих детей. И как только Мылин дочитал до борьбы фермера с птицами, он тут же услышал знакомый смешок женщины с черными крыльями: «Все зависит от обстоятельств!»

Он сорвал одеяло с ближайшей кровати и начал размахивать им над головой. Он слышал хлопанье крыльев, шмяканье птичьих тел, но птицы не отступали, они нападали снова и снова, они клевали его в руки, в голову, их разящие клювы кололи, как острые вилки. Одеяло теперь превратилось в орудие защиты. Он обмотал им голову и, не видя уже ничего, молотил по птицам голыми руками. Подобраться к двери и открыть ее он не решился из страха, что птицы полетят следом.

Он не знал, сколько времени он бился с птицами в темноте, но, в конце концов, почувствовал, как хлопанье крыльев вокруг постепенно стихает; наконец оно прекратилось совсем, и сквозь одеяло он разглядел, что в комнате стало светлей. Он ждал, слушал - нигде ни звука, только кто-то из детей хныкал в спальне. Свист и шелест крыльев прекратились.

Он стащил с головы одеяло и огляделся. В комнату просачивался холодный, серый утренний свет. Живые птицы улетели через открытое окно, мертвые лежали на полу. Нат глядел на них со стыдом и ужасом: все мелюзга, ни одной крупной птицы, и погибло их не меньше полусотни. Малиновки, зяблики, воробьи, синички, жаворонки, юрки - эти птахи по законам природы всегда держались каждая своей стаи, своих привычных мест, и вот теперь, объединившись в ратном пылу, они нашли свою смерть - разбились о стены или погибли от его руки. Многие во время битвы потеряли перья, у многих клювы были в крови – в его крови.

Ему тогда пришло в голову, что полная безнадежность этого рассказа и заключалась в том, что, пытаясь спастись, Нат убивал лишь самых беззащитных и, по большому счету, абсолютно

безопасных пичуг, будто совершенно самостоятельно, постепенно и расчетливо... убивая собственную душу.

Рассказ заканчивался, когда фермер докуривает последнюю сигарету, сожалея о том, что не подумал набрать всего побольше, чтобы ему хватило на всю жизнь в наглухо забитом от всего мира доме. Сожаление о детях, на которых птицы напали в открытом поле, мелькала в душе героя рассказа чем-то посторонним, каким-то досужей необременительной мыслью, пусть и приправленной горечью: «Надо было предвидеть!»

Сделав последний рейс, он доехал до автобусной остановки, вылез из машины и зашел в телефонную будку. Он простоял там несколько минут, нетерпеливо нажимая на рычаг. Без толку: телефон не работал, гудка не было.

Он выбрал пригорок повыше и оглядел окрестность. Никаких признаков жизни, безлюдные, пустынные поля - одни птицы кругом. Птицы сидели и ждали. Некоторые даже спали, повернув набок голову, уткнувшись клювом в перья.

"Странно как они себя ведут. Хоть бы кормились, что ли, а то сидят как иступканы", - подумал он. И вдруг его осенило: да они же сыты! Сыты по горло. Ночью наелись до отвала. Поэтому сейчас и сидят...

Над муниципальными домами не поднимался ни единый дымок. Он подумал о детях, которые вчера бежали бегом через поле. "Надо было предвидеть, - подумал он с горечью. - Надо было забрать их с собой". Он поднял голову к небу. Небо было серое, бесцветное. Восточный ветер оголил и пригнул к земле почерневшие деревья. И только на птиц холод не действовал; птицы сидели и ждали.

"Вот бы когда по ним стрелять, - подумал Нат. - Сейчас они отличная мишень. Взяться бы за них по всей стране! Выслать самолеты, опрыскать их и притом... Куда они там смотрят, о чем только думают? Они-то должны знать, должны соображать!"

Картина с птицами, сидевшими и ждавшими своего часа, долго стояла перед глазами Мылина. Как-то не выдержав, он поинтересовался у Льва Ивановича, заполнявшего изысканными напитками минибар в номере: «А вы, Лев Иванович, видели фильм Хичкока «Птицы»?»

- Видел, и не раз, - невозмутимо ответил лакей. – Здесь его постоянно крутят.

- Странно, что фильм смотрят одни и те же люди, - заметил Мылин. – Причем так, будто прежде его не видели. И каждый раз меня напрягает, что в фильме все пытаются жить по-старому, остаться на своем месте, ничего не делая, чтобы спастись! Вроде и пытаются, а какая-то глупость в результате получается.

- Ну, все так и делают, чтобы спастись, - ответил Лев Иванович. - Им кажется, что если они этого не сделают, то никогда не спасутся. А потом выясняется, что убивали сами себя, помогая сделать это птицам. Понимание странной мысли, что когда пытаешься убить другого – то убиваешь, в первую очередь себя, приходит ко всем. В разное время и в разной степени, но посещает всякого. Иногда осознанно, а иногда мимоходом. Но, как правило, когда поправить уже ничего нельзя. Остается лишь наблюдать за этими птичьими атаками на экране, каждый раз открывая в них что-то новое. В зависимости от того, какие этапы проходишь сам.

- Какие этапы? – спросил Мылин, уже начиная понимать, что ответит старик.

- Этапы разложения души, - вздохнул старик. – Все эти произведения кажутся неопределенными и недосказанными, поскольку их авторы предпочитают не упоминать о главном. Да и что это скрывать, если все и так видят своих птиц? Мне показалось, будто вы тоже что-то видели в тот день, когда отель покинул нефтяник Парамонов.

- Непонятно лишь, что Хичкок полностью сюжет в фильме поменял, заменив детей – на молоденькую прожигательницу жизни, - решил перевести предмет разговора Мылин.

- Это же так естественно, - усмехнулся старик. – Кто из нас не менял детей на молоденьких прожигательниц жизни?

Они посмеялись над этим странным разговором, но после него Мылин твердо сказал Каролине, чтобы она больше не пыталась совмещать приятное с полезным, втягивая в их круг абсолютно чужих людей.

- Это не цари, не аристократы и не элита, Каролинка, не дуйся! – заметил он огорченной девушке. – Это люди, которые попали сюда только потому, что никогда ничего не решали, выполняя решения других. Поэтому бессмысленно пытаться «решить проблему» через них. Нам надо искать другие каналы.

* * *

...Взяв у лакея огромный букет роз, Мылин вынул из кармана халата заветную коробочку с кольцом и шагнул в направлении спальни, где еще нежилась под шелковыми одеялами Каролина.

- Вам после завтрака надо срочно покинуть отель, я соберу ваши вещи! – услышал Мылин тихие слова старика, сказанные ему в спину.

- Что случилось? – повернулся он к старику, несколько не сомневаясь, что надо немедленно последовать его совету.

- Вас видела Подарга, - тихо ответил старик. – Она часто здесь бывает. Но вы-то нужны в другом качестве. За вами Мишку Стрельникова пошлют! Вам лучше согласиться на план Антона Борисовича, иначе вами займется Мишка, вы тогда инвалидность получите. А так... все же шанс есть.

- Я не хочу возвращаться домой пока там Даша с детьми, - сказал Мылин, опуская головки роз к полу.

- Ничего не поделаешь, придется вернуться домой, - захихикал старик. – Но вам же нечего переживать! После роз и кольца ваша милая Каролина подождет, сколько понадобится! Это в ваших интересах, они вас

в покое сейчас не оставят.

Действительно, после роз и кольца Каролина выбежала к завтраку в приподнятом состоянии духа. Старик оказался прав, сообщение, что им надо срочно покинуть отель, а ему вернуться домой к жене и детям, несколько не испортили ей настроения. Она ответила, что перед выходом на работу ей надо хотя бы дома у матери порядок в своей комнате навести. В машине она чмокнула своего «пусика» и, лучезарно улыбаясь, отправилась домой в новой соболиной шубке с букетом роз. Тоскливо посмотрев ей вслед, Мылин назвал шоферу свой домашний адрес.

На улице уже темнело, когда он, расплатившись с водителем, направился к своему дому, стремительно преодолевая вертушку возле консьержа. Решив не ждать лифт ради подъема на третий этаж, он стал подниматься по лестнице, ругаясь про себя, что на их лестничной

площадке опять не горит свет. И только он поднял голову, вглядываясь в темноту, как получил прямой удар чьего-то свинцового кулака в лицо.

- Попробуй еще от Антона Борисовича сбежать, падла, - услышал он голос Мишки Стрельникова, неоднократно посещавшего с женой директорскую ложу в их театре. – Добегаешься у меня, балерун вшивый! Из-под земли достану!

Мылин, прижимая ладони к лицу, медленно опустился на ступеньки возле своей квартиры. В голове невыносимо гудело. Сквозь этот шум он слышал, как Мишка огромными скачками сбежал вниз, потом загремела вертушка возле консьержа, потом хлопнула дверь в подъезде. Стало очень тихо. Было слышно, как за дверьми с криками носятся его сыновья.

Он медленно, по стенке встал на ноги и нажал звонок, почти с облегчением услышав легкую поступь Дашки вместо невероятно тяжелых шагов ее отца.

За Дашей вприпрыжку к двери побежали его мальчишки, и с какой-то непонятной горечью он подумал: «Надо было предвидеть такое, надо было предвидеть! Надо было сразу, до праздников забрать их у Дашки к матери!»